

УДК 392:273.2(476.5)

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/337-352

Научная статья

© В. Е. Овсейчик

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В статье ставится вопрос о поселении русских старообрядцев на северо-западных белорусских землях во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Анализируются результаты предыдущих исследований, которые касались данного вопроса, характеризуются их источники и методология. Приходим к выводу, что несмотря на наличие ряда публикаций, в которых рассматривалась ранняя история старообрядцев в северо-западном регионе Беларуси, вопрос об их поселении здесь во второй половине XVII — первой половине XVIII в. остается не решенным. На сегодняшний день в опубликованных исследованиях так и не были предоставлены аргументированные факты поселения старообрядцев в регионе в указанный период. Поэтому к настоящему времени остаются нерешенными и более серьезные вопросы ранней истории старообрядчества в регионе. Так, не выявлены места первоначального поселения старообрядцев, не предпринята попытка анализа интенсивности миграции и подсчета количества пришлого населения.

Ключевые слова: старообрядцы, северо-западная Беларусь, этническая история, историография, расселение, этническая группа

Ссылка при цитировании: Овсейчик В. Е. К вопросу о расселении старообрядцев в северо-западном регионе Беларуси во второй половине XVII — первой половине XVIII в. // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 337–352.

UDC 39+9

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/337-352

Original article

© Uladzimir Auseichyk

THE SETTLEMENT OF OLD BELIEVERS IN THE NORTH-WEST OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XVII — FIRST HALF OF THE XVIII CENTURIES

The article focuses on the settlement of the Russian Old Believers in the northwestern Belarusian lands in the second half of the XVII – first half of the XVIII century. We analyze the results of previous studies dealing with this issue, characterize their sources and methodology. We come to the conclusion that although a number of

Овсейчик Владимир Евгеньевич (Uladzimir Auseichyk) — к. и. н., доцент, доцент кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Республика Беларусь, 211440 Витебская область, г. Новополоцк, ул. Блохина, 29). Эл. почта: u.auseichyk@psu.by ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>

publications have considered the early history of the Old Believers in the northwestern region of Belarus, the question of their settlement here in the second half of the XVII – first half of the XVIII century remains unresolved. To date, the published studies have failed to provide solid facts about the Old Believers' settlement in the region during this period. Therefore, more serious questions of the early history of the Old Believers in the region still seek resolution. For example, the places of initial settlement have not been identified, no attempt has been made to analyze the intensity of migration and to count the number of newcomers.

Keywords: *Old Believers, northwestern Belarus, ethnic history, historiography, settlement, ethnic group*

Author Info: **Auseichyk, Uladzimir E.** — Ph.D. in History, Associated Professor, Polotsk State University (Novopolotsk, Republic of Belarus). E-mail: u.auseichyk@psu.by ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6433-0039>

For citation: Auseichyk, U. 2025. The Settlement of Old Believers in the North-West of Belarus in the Second Half of the XVII — First Half of the XVIII Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 337–352.

Северо-западный регион Беларуси является одним из важнейших мест компактного проживания старообрядческого населения на территории страны. Он входит в общую зону расселения староверов, которая охватывает современное белорусско-литовско-латвийское пограничье и прилегающие территории. Несмотря на то, что в Восточной Европе это одна из самых массовых и значимых зон компактного расселения староверов, вопросы ее формирования не в полной мере решены в современной науке. Особенно это касается белорусской «части» этой общей зоны. Несмотря на наличие довольно значительного объема исследований по старообрядчеству северо-западного региона Беларуси (библиографию по теме см.: (Овсейчик 2022; Овсейчик 2023), вопросы расселения староверов в регионе во второй половине XVII — первой половине XVIII в. остаются не разработанными. При этом следует отметить, что в ряде исследований указывается обратное. Так, литовская исследовательница Н. Морозова отмечает: «Начальная история эмиграции староверов и формирования основных старообрядческих центров на территории Великого княжества Литовского (и Речи Посполитой в целом) достаточно хорошо изучена» (Морозова 2020: 54).

В данной статье сделана попытка анализа состояния разработки проблемы расселения старообрядцев в северо-западном регионе Беларуси во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Именно в этой части страны уже к середине XIX в. была сформирована одна из зон компактного расселения староверов (Рис. 1). Как следует из анализа источников того времени, основной массив поселений был сконцентрирован на территории современных Браславского, Миорского, Шарковщинского, Поставского и Глубокского районов Витебской области и переходил на литовские и латвийские земли; на юге к нему примыкали небольшие ареалы на территории Островецкого и Ошмянского районов Гродненской области, Мядельского и Воложинского районов Минской области (см. подробнее: Овсейчик 2024). Исходя из этого, географические границы исследования будут охватывать лишь ареалы старообрядческих поселений в этих районах Беларуси. Иные регионы Беларуси, как и соседние литовские, латвийские и русские земли в данной работе рассматриваться не будут.

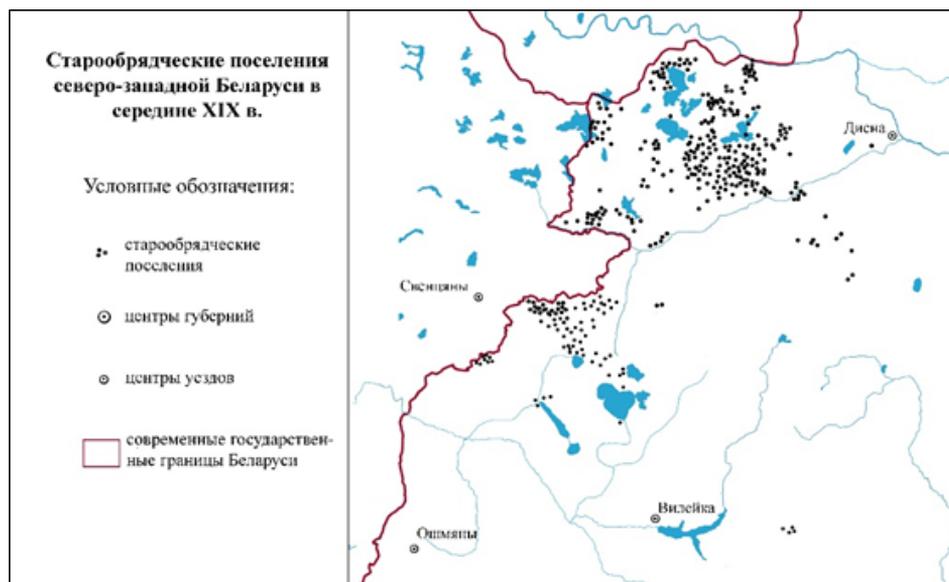

Рис. 1. Особенности расселения старообрядцев в северо-западной части Беларуси в середине XIX в. (карта-схема составлена автором; Овсейчик 2024)

Состояние разработки проблемы

История и особенности расселения староверов в северо-западной Беларуси интересовали не только белорусских ученых, но и исследователей, которые занимались изучением старообрядчества Литвы и Латвии. Это обусловлено уже упомянутым выше фактом о вхождении пограничных белорусских, литовских и латвийских территорий в общую зону компактного расселения староверов. Поэтому исследования старообрядчества Литвы и Латвии редко обходились без анализа материалов с приграничных белорусских земель.

Среди исследователей, которые занимались изучением ранней истории старообрядчества на северо-западных белорусских землях, в первую очередь надо назвать белорусского историка А. А. Горбачко, литовского историка Г. Поташенко и исследовательницу староверия Латгалии А. А. Заварину. Именно эти три исследователя наиболее системно подошли к вопросам расселения староверов на территории северо-западной Беларуси во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Остальные же авторы, изучавшие раннюю историю старообрядчества в регионе, либо повторяли тезисы этих исследователей (напр., см. ниже: *Anoszko 2020; Pastuszewski 2015*), либо вообще игнорировали вопросы поселения староверов в регионе. Еще один польский ученый Е. Иванец довольно подробно исследовал раннюю историю старообрядчества на землях Речи Посполитой. В его работе «Из истории старообрядцев на польских землях XVII–XX вв.» данной проблематике был посвящен отдельный раздел «Переселение старообрядцев на территорию бывшей Речи Посполитой» (*Iwaniec 1977: 49–75*). Однако, что касается анализа истории старообрядчества на белорусских землях, то Е. Иванец сосредоточил свое внимание почти исключительно на юго-восточном регионе (с центром в городке Ветка). В свою очередь, старообрядчество северо-западных белорусских земель во второй половине XVII — первой половине XVIII в. автором оставлены без внимания.

Первой исследовательницей, которую заинтересовали вопросы расселения староверов в регионе, была А. А. Заварина. Ее изучение проблемы началось еще в середине XX в., но наиболее полно и системно было представлено в монографии «Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века: историко-этнографический очерк» (Заварина 1986). Автор определила основные причины переселения староверов на территорию Восточной Латвии, выделила этапы заселения региона, выявила территории, из которых переселялись староверы в данную местность. При этом А. А. Заварина одной из первых обратила внимание на недостаточное изучение ранней истории старообрядчества на территории Латвии: «История переселения в Латвию старообрядцев, составивших здесь ядро русского населения, мало изучена. Исследователи не располагают массовыми архивными материалами, которые бы более или менее исчерпывающе отвечали на вопросы: почему, когда, откуда, в каком количестве русские староверы пришли в Латвию, как происходило их расселение здесь и какие районы были первыми ими освоены» (Заварина 1986: 10). Эти слова в полной мере касаются и соседних белорусских территорий.

Несмотря на то, что основное внимание в работе было сосредоточено на собственно латгальских землях, в ней нашлось место и белорусским. Так, А. А. Заварина сделала допущение о переселении значительного количества староверов-федосеевцев в район Браслав–Миоры–Друя еще в конце XVII в. (Заварина 1986: 17). Однако никаких данных, которые подтверждали бы это допущение (собственно фактов переселения староверов на белорусские земли), исследовательница не привела. Только касательно более позднего периода она привела факты переселения староверов на белорусские земли. На основе архивных источников А. А. Заварина выявила, что после вхождения Латгалии в состав Российской империи некоторая часть староверов переселилась в 1780–1790-е гг. в район Браслав–Миоры–Друя, где, по мнению автора, уже имелись старообрядческие поселения (Заварина 1986: 27). В последующем результаты и материалы исследования А. А. Завариной были широко использованы в работах других ученых.

В белорусской историографии проблема поселения староверов в этом регионе исследована довольно поверхностно. В опубликованных работах, посвященных староверам на белорусских землях, очень мало отведено внимания характеристике первоначального этапа заселения ее северо-западных территорий во второй половине XVII–XVIII вв. Только редкие факты приводятся в исследовании А. А. Горбацкого (Горбацкий 2004). Исследователь высказал мнение, что первые сведения о поселении староверов на северо-западных белорусских землях относятся еще к середине XVII в. (Горбацкий 2004: 75). Однако при этом он отмечает, что «точных данных о времени поселения старообрядцев во всех белорусских городах, местечках и деревнях не найдено. Сейчас известны отдельные даты и события» (Горбацкий 2004: 74). Для определения первоначальных мест поселения сторонников старых обрядов в северо-западной части Беларуси в качестве источников А. А. Горбацкий использовал почти исключительно сведения из «Дегуцкого летописца» и «Положения старообрядцев в Ковенской губернии». К достоверности данных в этих источниках существуют серьезные вопросы, в первую очередь, из-за их значительной хронологической отдаленности от тех событий, которые они описывают. В особенности это касается «Дегуцкого летописца» (второе его название — «Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства»). Как свидетельствуют исследования,

текст этого источника был создан в середине XIX в. (Хронограф 2011: 7). Поэтому возникает закономерное сомнение в точности сведений, которые касаются ранней истории старообрядчества (второй половины XVII — первой половины XVIII вв.). Вместе с тем, в тексте «Дегуцкого летописца» события ранней истории (второй половины XVII–XVIII вв.) старообрядчества на белорусских землях почти не описываются. А события по истории старообрядчества на современных белорусских землях до середины XVIII в. вообще в нем не упоминаются. В самом тексте «Хронографа Литовского» есть лишь два упоминания о ранней истории (XVII–XVIII вв.) старообрядцев на современных западных белорусских землях: освящение храма в Видзах в 1764 г. (подробный ее разбор см. ниже) и проживание в 1749 г. А. Сидорова (Танаева) около г. Друя: «близ города Друи есть весь, именуемая Зачерепье» (Хронограф 2011: 129). Во втором случае в тексте источника неправильно указано название населенного пункта (должно быть — «Зачеревье», современный Миорский район). О фактах проживания староверов в этой деревне и округе в середине XVIII в. подтверждают и другие источники (инвентари, донесения российских чиновников, описания церковных приходов).

На основе информации из «Положения...» А. А. Горбацкий отмечает, что поселение староверов в границах Ковенской губернии произошло еще в 1655 г. Поэтому он допускает мнение, что первоначальным регионом их поселения на белорусских землях были территории вокруг Браслава, Солонки и Видз. И произошло это, по мнению ученого, еще в 1655 г. до официального раскола Русской православной церкви (Горбацкий 2004: 75). Мнение о том, что староверы уехали из России еще до официального раскола, не является новым. О переселении русских на территорию современной Латвии и Литвы в 50–60-е гг. XVII в. уже высказывались ученые раньше (Подмазов 1970: 22; Сивицкене 1997: 155). В свою очередь, самих фактов нахождения староверов на территории Браславщины в это время А. А. Горбацкий не привел. Таким образом мы имеем дело лишь с попыткой исследователем интерпретировать поздний источник и провести аналогии с соседними литовскими и латвийскими территориями.

В качестве одного из самых ранних фактов переселения староверов в регион А. А. Горбацкий пересказывает историю, помещенную в «Дегуцком летописце», об основании в 1660 г. старообрядческого храма в деревне Лигинишки, располагавшаяся недалеко от г. Динабурга, а также появления здесь в 1667 г. священноиерея Терентия (Горбацкий 2004: 75). В данной работе мы не будем разбирать достоверность указанного факта, поскольку эти земли не относятся к современным территориям Беларуси (в наше время они входят в город Даугавпилс, Латвия). На основе сведений все из того же «Дегуцкого летописца» А. А. Горбацкий утверждает, что на землях современного Браславского района первый старообрядческий храм был построен в Видзах и освящен духовными отцами Филимоном Петровичем и Степаном Афанасьевичем в 1764 г. (Горбацкий 2004: 77). Как не удивительно, но это первый подтвержденный хоть каким-то источником факт проживания староверов в границах северо-западного региона Беларуси, приведенный в работе А. А. Горбацкого (на его достоверность мы обратим внимание ниже).

В своем исследовании А. А. Горбацкий описывает еще одно значительное событие из ранней истории старообрядчества на землях ВКЛ — поселение в конце XVII в. в Невельском уезде (современная территория Российской Федерации) основателя и организатора федосеевского согласия Феодосия Васильева (Горбацкий

2004: 75). Ученый, ссылаясь на работу В. Волкава (*Волков* 1866) и сведения все из того же «Дегуцкого летописца», указывает, что после переезда Феодосия Васильева в 1709 г. в Новгород часть староверов из Невельщины переселяется в Витебский, Полоцкий, Лепельский и другие поветы. И только на основе этих данных делает вывод, что «можно предположить, что федосеевцы поселились на землях сегодняшних Витебского, Полоцкого и Лепельского районов в 1655–1710 гг.» (*Горбацкий* 2004: 76). Однако никаких данных о поселении староверов на современных белорусских территориях в этот период А. А. Горбацкий не приводит. Нет таких фактов и в выше упомянутых источниках. Более того, сам В. Волков обращал внимание на отсутствие точно подтвержденных сведений о появлении старообрядцев в регионе: «До настоящего времени мы не нашли еще ни одного письменного документа, раскрывающего нам определенные годы поселения раскольников в Витебской губернии» (*Волков* 1866: 50). Поэтому он предлагал обратиться к другой группе источников — рассказам самих староверов: «За неимением письменных документов о времени поселения раскольников в Витебской губернии, мы обращаемся к памяти добросовестных старожилов-единоверцев и раскольников <...> Из сказаний стариков видно, что безпоповцы-федосеевцы поселились в Витебской губернии, хоть незадолго, но раньше поповцев, именно в первые годы XVIII столетия» (*Волков* 1866: 47). Однако данная группа источников не может считаться хоть сколько информативной в вопросах определения хронологии и географии расселения старообрядцев в регионе.

В своей работе А. А. Горбацкий также делает допущение о переселении староверов после смерти Феодосия Васильева на земли Виленского воеводства (по мнению исследователя, главным образом на территорию современного Браславского района в Беларуси и Зарасайского района Литвы). И поэтому полагает, что Браслав, Видзы, Зарасай, Вилькомир и Свенцяны стали одними из ранних центров федосеевского движения в регионе (*Горбацкий* 2004: 76–77). Но это утверждение автора не подкреплено ни одним фактом перемещения в эти районы старообрядческого населения в указанный период. Других же сведений о поселениях староверов на территории северо-западной Беларуси во второй половине XVII–XVIII вв. в исследованиях А. А. Горбацкого не приведено.

Интерес для изучения истории поселения староверов в границах северо-западного региона Беларуси представляют сведения, опубликованные литовским историком Г. Поташенко в монографии «Староверие в Литве: вторая половина XVII — начало XIX вв. Исследования, документы, материалы» (*Поташенко* 2006). В ней рассмотрены не только собственно литовские, но все северо-восточные земли ВКЛ. Потому в исследовании некоторое место отведено и современным белорусским территориям. В работе ученый рассмотрел вопрос об основании ряда старообрядческих приходов в северо-западных районах Беларуси (в границах Браславского, Поставского и Миорского районов Витебской области). Так, Г. Поташенко упоминает про основание приходов и строительство храмов в регионе еще в конце XVII — начале XVIII в. Среди одного из первых он называет храм в д. Кублицино Миорского района (конец XVII в.). Исследователь при этом ссылается на довольно поздний источник — «Памятную книжку Виленского генерал-губернаторства на 1868 год» (ПКВГГ 1868). Эту дату, как полагает Г. Поташенко, указали российские чиновники, «основываясь, вероятно, на рассказах местных жителей, писали, что в конце XVII в. старообрядческий храм был построен в деревне Кублишна (ныне Кублищина) Дисненского уезда

Виленской губернии» (Поташенко 2006: 364). Необходимо заметить, что в самом источнике в качестве предположительной даты строительства Кублищенского храма назван весь XVII в., а не его конец: «Молельня в казенной дер. Кублишне. Престола нет; молельня именуется св. Троицкою. Построена в XVII ст., вновь починена и покрыта соломой в 1859 г.» (ПКВГГ 1868: 386). В этой связи непонятными остаются причины «сужения» исследователем периода строительства храма. Вместе с тем, в качестве другой вероятной даты основания общины исследователь указывает и 1745 г. Но в этом случае он ссылается на другой источник — «Список старообрядческих общин 1930-е гг.» (далее — «Список...»). Сам этот источник еще более позднего происхождения. Сведения для него собрал Высший старообрядческий Совет в Польше (далее — ВСС) в 1930-е гг.¹ Ссылаясь на данные этого «Списка...», исследователь называет даты основания и ряда других старообрядческих общин на белорусских землях. Так, в качестве ранних он указывает приходы в д. Апидамы (1700 г.) и Кукляны (1700 г.) в Постапском районе, г. Друя (1693 г.), д. Лавники (1705 г.) и д. Кирилино (1706 г.) в Браславском районе (Поташенко 2006: 145, 364–365). Вместе с тем, Г. Поташенко отмечает, что пока не найдено более достоверных документов об основании приходов (храмов) староверов в северо-западной части ВКЛ, в особенности на белорусских землях (Поташенко 2006: 364). А что касается периода 1710–1750-е гг., то он еще более «пустой». По его словам, пока не найдено данных об основании новых приходов в 1710–1750-е гг. на белорусских землях (Поташенко 2006: 401).

Как и белорусский исследователь А. А. Горбацкий, Г. Поташенко также упоминает факт благословления старообрядческого храма в 1764 г. в Видзах (современный Браславский района). В этом случае он ссылается на сведения из «Дегуцкого летописца» (Поташенко 2006: 424–425). Этот приведенный исследователем факт выглядит тем более удивительно, ведь на основе сведений из «Списка...» ВСС община в Видзах была основана еще в 1680 г. (АНА: 318). В связи с таким выбором даты основания Видзского храма в пользу сведений из «Дегуцкого летописца» возникает закономерный вопрос о его доверии к сведениям ВСС. Ведь исследователь игнорирует их при определении даты основания Видзской общины, не указывая на то причин.

Кроме вышеупомянутых дат основания старообрядческих приходов (храмов) в северо-западных белорусских землях Г. Поташенко еще несколько раз обращает свое внимание на вопросы поселения староверов в данном регионе. Так, исследователь отмечает, что «новые архивные материалы свидетельствуют о том, что в первой трети XVIII в. тысячи русских эмигрантов семьями и отдельными группами уходили не только в восточную часть ВКЛ (нынешняя Белоруссия), но и в северо-западную ее часть (территория нынешней Литвы и западной Белоруссии)» (Поташенко 2006: 151). Однако никаких примеров переселения староверов на западнобелорусские земли исследователь не привел. Также он отмечает, что «русские эмигранты жили как на востоке и северо-востоке ВКЛ — в Минском и Полоцком воеводствах, в Гродно, так и на западе страны — в Виленском (Вильнюсском), Трокском (Тракайском), Ковенском (Каунасском) воеводствах и в Жмудском (Жемайтском) старостве» (Поташенко 2006: 151). При этом исследователь ссылается на ряд документов, опублико-

¹ По сведениям Г. Поташенко, этот источник хранится в архиве Высшего Совета Древлеправославной поморской церкви Литвы (Поташенко 2006: 15). Такой же «Список старообрядческих общин», составленный ВСС в 1930-х гг., хранится в Архиве новых актов в Варшаве (Archiwum Akt Nowych) (АНА. Zesp.14. Syg. 1270. S. 318–322). Именно последний использован в данной работе.

ванных в качестве приложений к его работе. Однако в представленных документах никакого упоминания о проживании или нахождении староверов на современных белорусских землях в конце XVII — первой половине XVIII в. нет. Никаких иных пояснений относительно этих утверждений Г. Поташенко не приводит.

Еще в одном месте монографии Г. Поташенко снова повторяет выше приведенный тезис, правда в немного другом варианте: «Новые архивные материалы свидетельствуют о том, что в первой трети XVIII в. тысячи русских эмигрантов жили как на востоке и северо-востоке ВкЛ (ныне центральная и восточная часть Белоруссии), — в Речицком повете Минского воеводства, Дисненском повете Полоцкого воеводства, в Гродно, так и на западе и северо-западе страны (территория нынешней Литвы и западной Белоруссии) — в Браславском и Поставском поветах Виленского воеводства» (Поташенко 2006: 268). В этом случае исследователь снова ссылается на уже выше упомянутые приложения. Если же вопрос относительно поселения староверов в этот период в Речицком повете не стоит (он довольно подробно рассмотрен и решен в исторической науке, см.: (Аўсейчык 2021b), то с их поселением в границах других регионов Беларуси (Гродно, Дисненский, Поставский, Браславский поветы) существуют вопросы.

В отдельной работе Г. Поташенко (Поташенко 2000) при характеристике все того же сюжета находим более точную ссылку на источники, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов¹. Однако в данных документах не указывалось профессиональная принадлежность русских переселенцев. Безусловно, значимую часть среди них могли составлять старообрядцы. Но, как следует из анализа источников, переселение коснулось и большого числа православного русского населения. В этой ситуации смущает и факт отнесения литовским исследователем к ранним центрам староверия города Гродно, в котором старообрядцев и по более поздним периодам XVII – XIX вв. вообще не фиксировалось. По этим причинам вряд ли можно считать вышеупомянутые источники в качестве надежного свидетельства поселения старообрядцев на белорусских землях.

Таким образом, вышеприведенный анализ публикаций о ранней истории старообрядчества на северо-западных белорусских землях позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в научных исследованиях фактов поселения староверов в регионе во второй половине XVII — первой половине XVIII в. было опубликовано очень мало. Во-вторых, в основном мы имеем дело не с самими подтвержденными фактами проживания старообрядческого населения в регионе в рассматриваемый период, а чаще с допущениями исследователей. Эти допущения, как правило, основаны на анализе материалов из соседних литовских и латвийских земель или построены на поздних источниках. Но, в свою очередь, результаты вышерассмотренных работ создали нерушимый базис для последующих исследований по ранней истории старообрядчества на северо-западных белорусских землях. Последующие ученые принимали допущения этих авторов и транслировали в своих публикациях. Так, опубликованные в монографии Г. Поташенко даты основания ряда старообрядческих общин (храмов) на западнобелорусских землях в конце XVII — начале XVIII в. в последующем довольно широко стали тиражироваться как в научных, так и в научно-популярных публикациях. Например, в работе С. Пастушевского эти даты принимаются как целиком подтвержденные факты (Pastuszewski 2015: 165). А исследова-

¹ Представлена ссылка: РГАДА, Ф. 248, оп. 7, д. 397, л.1171-1190 об.

тель С. Аношко в работе, посвященной старообрядцам на белорусских землях Речи Посполитой в XVII–XVIII вв., повторяет за А. А. Горбацким вышерассмотренный спорный тезис о поселении староверов после смерти Феодосия Васильева на территории Литвы и Беларуси: «Смерть лидера федосеевцев стала причиной возвращения группы его последователей на территории Великого княжества Литовского, в основном на территории современных Беларуси и Литвы. Центрами эмиграции этой ветви старообрядчества в начале XVIII века стали Браслав, Видзы, Зарасай, Вилькомир, Свенцяны» (Anoszko 2020: 103, перевод В. О.).

Анализ опубликованных данных

Если не принимать во внимание факты поселения староверов во второй половине XVII — первой половины XVIII в. на соседних с северо-западным белорусским регионом землях (южная Псковщина, юго-восточная Латвия и восточная Литва), то из всего комплекса опубликованных фактов останутся только даты основания ряда приходов (храмов), впервые приведенные в работе Г. Поташенко. Помимо них наиболее же ранним упоминанием о старообрядческих поселениях в регионе будут только сведения середины XVIII в. Информация этого времени о местах проживания староверов в регионе содержится в одном интересном документе под названием «Реестр <...> сколько именно в Польше и за какими владельцами живут в подданстве оставшие от высылки в Россию беглые великороссийские люди, и в каких слободах, сколько дворов осталось». Этот источник был составлен в 1760-х гг. российскими чиновниками. Его текст опубликовал М. И. Лилеев в работе «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.» (Лилеев 1895: 131–132). В нем упомянуты 13 населенных пунктов в Браславском повете (имеется в виду только те, которые входят в современные границы Беларуси), насчитывающие 119 старообрядческих дворов. В современный период все эти населенные пункты размещены на территории Друевского сельсовета Браславского района и Перебродского сельсовета Миорскага района. Надо отметить, что этот регион и в последующие периоды являлся местом компактного проживания староверов.

Обратимся к анализу достоверности дат основания старообрядческих приходов (храмов) в регионе, которые были приведены в работе Г. Поташенко. Как уже было отмечено выше, основным источником для определения дат основания первых приходов (храмов) в северо-западной Беларуси служит «Список старообрядческих общин 1930-е гг.». К достоверности его сведений есть много вопросов. Сам источник был составлен только в 1930-х гг. ВСС в Польше, при этом не известно на основе каких данных. Анализируя другие документы ВСС, которые содержат факты о ранней истории старообрядчества на территории региона¹, приходим к выводу, что они довольно поверхностные, краткие и мало информативные. Поэтому возникает закономерный вопрос относительно наличия в этом «Списке...» настолько конкретных дат. Можно допустить, что эти данные происходят из самих общин или из более достоверных источников. Попробуем их проанализировать.

Опираясь на данные «Списка...», Г. Поташенко публикует следующие даты основания старообрядческих приходов (храмов): Друя — 1693 г., Апидамы — 1700 г.,

¹ В ходе исследования был проанализирован значительный объем документов ВСС межвоенного периода, которые хранятся в Архиве новых актов в Варшаве (ANA. Zesp. 14. Syg. 1270, 1271) и Литовском центральном государственном архиве (LCVA. Ф. 1681).

Лавники — 1705 г., Кирилино — 1706 г. (*Поташенко* 2006: 364–365). Также как одну из ранних он упоминает общину в д. Кукляны Поставского района (1700 г.) (*Поташенко* 2006: 364). Однако в тексте монографии автор не пояснил откуда взялась эта дата. При этом он также приводит и другую дату (1853 г.). В действительности же община в Куклянах была создана только в середине XIX в. в результате отделения от соседней Апидамской, о чем свидетельствуют архивные источники. «Список ...» ВСС также относит возникновение общины в Куклянах к середине XIX в. В качестве даты основания общины в нем упомянут 1853 г., а постройки храма — 1858 г. (ANA: 320). В материалах самой общины межвоенного периода первоначальная постройка храма также относилась к середине XIX в. (1858 г.) (LCVA. F.1681. Ap. 1. B. 350. L. 38).

В «Списке...», который хранится в собраниях Архива новых актов в Варшаве, основание общины в Друе относится к 1620 г. (ANA: 318). В свою очередь Г. Поташенко указывает другую дату — 1693 г. Неизвестно по какой причине данные в этих двух списках отличаются (остальные даты те же). Но 1620 г., разумеется, не может восприниматься как дата основания общины. В документе обозначена еще одна община, дата основания которой приходится на конец XVII в. Эта община в Видзах (Браславский район), годом основания которой указан 1680 г. (ANA: 318). Но, в свою очередь, Г. Поташенко не приводит ее. Исследователь, как и А. А. Горбачкий, считает датой основания этого прихода 1764 г. (исходя из даты благословения храма, указанной в «Дегуцком летописце»).

При этом надо отметить, что в ряде других источников встречаются сведения о довольно раннем основании старообрядческой общины в Видзах. Но все они «позднего» происхождения. Так, при регистрации общины в г. Видзы в 1940-е гг. верующие-староверы в своем заявлении указали, что община действует с самого начала XVIII в., охарактеризовали ее «как непрерывно действующую с 1700 года в гор. Видзы <...> под названием Успенская Видзская старообрядческая община» (ГАВО. Ф. 1439. Оп. 3. Д. 136. Л. 1).

К подобным ранним датам, которые встречаются в документах старообрядческих общин середины XX в., стоит отнестись настороженно. Дело в том, что дата 1700 г. довольно популярная для определения начала истории отдельных общин в регионе и является в известной степени мифической. Дата 1700 г. как начало деятельности общины в д. Апидамы (Поставский район) упоминается в ряде источников 1920–1940-х гг., которые происходят из среды самих староверов. Так, в заявлении Уполномоченному Совету по делам религиозных культов от верующих Апидамской общины в 1948 г. было указано следующее: «просим зарегистрировать нашу общину, как непрерывно действующую с 1700 года» (ГАВО. Ф. 1439. Оп. 3. Д. 150. Л. 1). Похожая формула и даже такая же дата фигурируют в документах середины XX в. и других старообрядческих общин. Иногда использовалась и более поздняя дата, но также «круглая», например, 1800 г. Так, в похожем заявлении в адрес Уполномоченного Совета по делам религиозных культов прихожане Кирилинской общины (Браславский район) просили зарегистрировать ее как «непрерывно действующую с 1800 года в деревне Кирилино <...> под названием Кирилинская старообрядческая община» (ГАВО. Ф. 1439. Оп. 3. Д. 141. Л. 1). В свою очередь, исходя из данных «Списка...» ВСС, Кирилинская община должна быть основана почти на столетие раньше от указанной в заявлении даты.

В документах межвоенного периода, которые происходят из Видзской старообрядческой общины, встречаются разные даты ее основания и постройки храма. Так, в Реестре Видзской общины (составлен общиной в 1926 г.) в качестве периода ее образования указано «od dawnnych lat» (LCVA. F.1681. Ар. 1. В. 43. L. 42). Однако в регистрационной карточке общины (составлена общиной в 1928 г.) в качестве даты основания вообще указан 1663 г. (LCVA. F.1681. Ар. 1. В. 43. L. 100. L.102).

По результатам анализа источников (в первую очередь, документов делопроизводства и хозяйственно-экономического характера, инвентарей имений, материалов судопроизводства и т.д.) необходимо констатировать, что достоверных сведений о поселении староверов в Видзах и округе до середины XVIII в. не выявлено. На такое же обстоятельство обращал внимание еще в 1930 г. О. Хедеман. Анализируя данные инвентаря Видз с округой за 1731 г. ему не удалось выделить тут старообрядческое население (по его мнению, только два человека из всех жителей вероятно могли быть отнесены к староверам) (*Hedeman* 1930: 282). В свою очередь, достоверные сведения о проживании в регионе старообрядческого населения относятся ко второй половине XVIII в. Так, согласно данным инвентаря имения Видзы Ловчинские от 1780 г. староверы (упомянуты как «Moskale») проживали в застенках Датишки, Любишки, Заблотишки (LVIA. F. 46. Ар. 1. В. 9. L. 979–981). А в материалах «Визитации Браславского деканата 1782–1783 гг.» также упоминаются староверы в этой местности. На страницах текста встречаются упоминания о проживании староверов в Видзском приходе Браславского деканата. Но, как свидетельствуют эти документы, в этот период молитвенного дома у них не было: «Там также проживают русские, но у них нет своих молитвенных домов» (*Breslaujos* 2008: 58, перевод В. О.).

Выявленные данные о постройке староверами храма в Видзах относятся к еще более позднему периоду. О наличии старообрядческого храма в Видзах в начале XIX в. упоминают несколько источников. Исследователь начала XX в. А. Станкевич, ссылаясь на архивные сведения, высказал мнение о строительстве старообрядческой моленной в Видзах еще до 1800 г. Он сделал такой вывод на основе данных, взятых из прошения староверов к генерал-губернатору, датированное концом 1830-х гг. В нем видзские староверы указывали, что их храм был построен еще до 1800 г. (*Станкевич* 1909: IV).

Разбирая архивные материалы встречаем интересные документы 1820-х гг., которые происходят из среды видзских староверов. В них содержатся некоторые данные о времени строительства старообрядческого храма в городе. Так, в одном из прошений староверов Видз о распечатывании моленной отмечалась, что «она построена еще в 1800 году с дозволения бывшего гражданского губернатора Фризеля» (НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 7963. Л. 15). Правда, в следующем своем прошении, чуть более поздним, дату строительства несколько изменили: «часовня построена еще в 1798 году в дозволение бывшего Виленского гражданского губернатора Ф. Фризеля» (НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 7963. Л. 65 об). А в третьем прошении староверов Видз год постройки храма еще более состарили: «часовня построена в 1780 года в дозволении бывшего Виленского гражданского губернатора Господина Фризеля» (НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 7963. Л. 66 об). Исходя из того факта, что Иван Григорьевич Фризель (Иоганн Фридрих Фризель) являлся гражданским губернатором Литовской губернии с 1799 г. по 1801 г., то 1780 г. и 1798 г. как даты постройки выглядят менее убедительными. Таким образом, на основе имеющихся материалов можно высказать мнение о строительстве старообрядческой моленной в Видзах только около 1800 г.

Обратимся и к другим старообрядческим общинам региона, даты основания которых относятся к самому началу XVIII в. В качестве такой рассмотрим Апидамскую общину (современный Поставский район), датой основания которой считается 1700 г. Эта дата упоминается в «Списке...», она же указывается и в заявлении верующих 1940-х гг. (см. выше). Однако появляются вопросы относительно достоверности этой даты. Все эти упоминания относятся приблизительно к одному и тому же времени (1920–1940-е гг.). Кроме того, в документах общины межвоенного периода эта дата прописана немного в другом значении. Так, в регистрационной карточке, которую подготовила община в 1928 г., в графе «data powstania gminy» указана следующее: «z roku 1626». А в графе «data uznania gminy przez władze panstwowe» приведена такая информация: «Przez władze Rosyjskie uznana w roku 1700», а «przez władze Rzeczypospolitej Polskiej uznana w roku 02/09/1926» (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 171. L. 14). Безусловно, дата в 1626 г. даже не рассматривается как соответствующая. Но обращает на себя внимание тот факт, что эта дата равно на три столетия старше даты утверждения польскими гражданскими властями (похожие состаривания старообрядческих общин региона на 100 или 200 лет мы будем видеть и в других документах межвоенного периода). К тому же понятно, что в 1700 г. община не могла быть утверждена российскими властями (эти земли были включены в состав Российской империи только в конце XVIII в.).

Обращает на себя внимание и дата основания Лавницкой общины. Так, в качестве даты ее утверждения в «Списке...» указан 1705 г. (см. выше). Но в документах самой общины (в регистрационной карточке 1928 г.) в качестве даты образования указан 1905 г. (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 45. L. 24). Как и в случае с Апидамской общиной наблюдается очень подозрительное расхождение (в данном случае равно на 200 лет) в документах межвоенного времени между датой утверждения польскими гражданскими властями и датой появления общины, которая содержится в «Списке...» ВСС. Вместе с тем, источники свидетельствуют об оформлении этой общины лишь в начале XX в. в результате отделения от Буловишской (совр. Браславский район). Так, в одном из описаний того времени указывались следующие причины разделения: «В нравственном и духовном отношении жители д. Буловишки стоят выше, чем жители соседних старообрядческих деревень. Здесь уже давно существует молитвенный дом и все старообрядцы окрестных деревень составляли прежде один церковный приход. Но недавно старообрядцы нашей деревни согласились принять и вести метрические книги и составить одну общину. Это не понравилось остальным старообрядцам, которые отделились от Буловишского прихода и составили новый приход, построив молитвенный дом особо в д. Лавниках. Прихожане нового молитвенного дома по-прежнему считают большим грехом записывать новорожденных детей в метрические книги, находя это большим отступлением от старой веры» (цитируется по: *Павет* 2003: 6–7).

Такая же ситуация характерна и в случае с Кирилинской общиной. Ее, датой основания, согласно «Списка...» ВСС, является 1706 г. В регистрационной карточке, составленной общиной в 1928 г., в качестве даты основания указан 1906 г., а под датой утверждения общины правительством (российским) — 19 мая 1908 г. (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 468. L. 31). Никаких других дат в делопроизводстве Кирилинской и Лавницкой общин не выявлено, а поэтому расхождения в датах их основания выглядят подозрительными. В «Списке...» ВСС они равно на 200 лет отличаются от тех дат, которые были указаны самими общинами. Приведенные «расхождения» не единичны. Так, в «Списке...» ВСС в качестве даты образования общины в д. Лучай

(Поставский район) указан 1826 г. (ANA. Zesp.14. Syg.1270. S. 321). А в регистрационной карточке, предоставленной общиной в ВСС в 1928 г., в качестве даты образования указан 1926 г. (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 30. L. 24). В свою очередь, старообрядческая община в д. Лучай образовалась лишь в начале XX в. (Аўсейчык 2021а: 60) и была утверждена польскими властями в 1926 г. Поэтому более ранняя дата в «Списке...» ВСС очевидно ошибочная.

Таким образом, анализируя даты основания Апидамской, Лавницкой и Кирилинской общин, приведенные в «Списке...» ВСС, наблюдаем их подозрительное расхождение с другими источниками (равно на 200 и 300 лет). А, добавляя к этому ряду очевидный пример «состаривания» Лучайской общины (равно на 100 лет), можем допустить умышленное искажение данных в «Списке...» ВСС.

Сложной остается задача определения даты основания Кублиценской общины (современный Миорский район), которая является одним из важнейших центров старообрядчества в северо-западной Беларуси. Про сомнительный характер определения даты основания общины, предложенный Г. Поташенко (конец XVII в.), уже было отмечено выше. В свою очередь, согласно «Списку...» ВСС, община была образована в 1745 г. (ANA. Zesp.14. Syg. 1270. S. 319). Но в материалах 1920-х и 1940-х гг., которые происходят из самой общины, встречаются и другие варианты. При регистрации общины в послевоенное время прихожане охарактеризовали ее «как непрерывно действующую с 1735 г. по настоящее время» (ГАВО. Ф. 1439. Оп. 3. Д. 137. Л. 1). В свою очередь духовный наставник Кублиценской церкви в 1925 г. писал, что «Кублиценский приход существует более двести лет, но лет сорок (40) в зад из него образовалось 7 приходов» (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 8. L. 2). А в карте регистрации Кублиценской общины, составленной в 1926 г., в качестве времени ее образования указаны две даты — 1849 г. и 1901 г. (LCVA. F. 1681. Ар. 1. В. 8. L. 1. 20). Как видно из вышеприведенных материалов, в источниках содержатся совершенно разные даты предположительного основания старообрядческой общины в д. Кублицино Миорского района. Но, вместе с тем, ни одна из этих дат не подкрепляется другими источниками. Более того, все они происходят из документов, созданных в позднее время (преимущественно в 1920–1940-х гг.). Поэтому выбрать из них какую-то одну дату не представляется возможным. Анализ же опубликованных и архивных материалов позволяет утверждать о наличии старообрядческого населения в регионе только в середине XVIII в. Более ранние свидетельства их здесь проживания пока не выявлены.

Таким образом, проанализировав опубликованные исследования по истории старообрядчества на северо-западных белорусских землях во второй половине XVII — первой половине XVIII в., приходим к следующим выводам. Во-первых, в исторических работах не опубликовано фактов проживания старообрядческого населения в регионе в рассматриваемый период, которые были бы подтверждены достоверными источниками. Несмотря на то, что во всем комплексе опубликованных исследований имеется совсем малое количество таких фактов, почти все они подкреплены лишь поздними источниками (XIX–XX вв.). В остальных же случаях мы имеем дело с допущениями и аналогиями исследователей, которые исходят из соседних регионов (юго-восточной Латвии, восточной Литвы и южной Псковщины). Во-вторых, даты образования ряда старообрядческих общин в конце XVII — начале XVIII в., которые в широкий научный дискурс ввел Г. Поташенко, при проверке и анализе оказались абсолютно не аргументированными. Более того, подозрительное расхождение этих

дат (равно на 100, 200 и 300 лет) с другими источниками подталкивает к мысли об их умышленном искажении («состаривании»).

Подытоживая вышесказанное отметим, что целью данной статьи не был детальный анализ расселения староверов в регионе в ранний период. В работе была принята лишь попытка анализа состояния изучения проблемы. Поэтому ни в коей мере не следует рассматривать представленные изыскания для отрицания существования старообрядческих поселений в конце XVII — первой половине XVIII в. в северо-западном регионе Беларуси. Приходим лишь к выводу, что в научной литературе эта проблематика остается неразработанной. И поэтому на сегодняшний день не решенным остается ряд конкретных вопросов. Так, не выявлены места первоначального поселения староверов в регионе, представлена хронология их заселения, не предпринята попытка анализа интенсивности миграции, а также подсчета количества пришлого населения. Эти направления еще ждут своего исследователя.

Источники и материалы

- ГАВО — Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 1439. Оп. 3. Д. 136, 137, 141, 150.
 НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси. НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 7963.
 ANA — Archiwum Akt Nowych (ANA). Zesp.14. Syg. 1270. S. 318–322.
 LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 46. Ap.1. B. 9. L. 979–981.
 LCVA — Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F.1681. Ap. 1. B. 8, 30, 45, 171, 350, 468.
Волков 1866 — *Волков В. И.* Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии. Витебск: Тип. Губернского правления, 1866. 21+85 с.
Лилеев 1895 — *Лилеев М. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. Вып. 1. [2]. XII. 596 с.
 ПКВГГ 1868 — Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год / под ред. А. М. Сементовского. 1868. I [1]. IV. 499 с. [10] л. ил., карт.: ил., табл.
Станкевич 1909 — *Станкевич А.* Очерк возникновения русских поселений на Литве. — Вильна: Губернская типография, 1909. [2], 140 с.
 Хронограф 2011 — Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства / Подг. Н. Морозовой и Г. Поташенко. Вильнюс: Вильнюсский университет, 2011. 329 с.
Breslaujos 2008 — *Breslaujos dekanato vizitacija 1782–1783 m., atlikta Vilniaus vyskupo Ignoto Jokūbo Masalskio parėdymu / Firkovičius, Romualdas, parengė [edt].* Vilnius: Katalikų akademija, 2008. XI. 464 p.
 Павет 2003 — Павет. Выданне краязнаўцаў Браслаўшчыны. Люты 2003 г. № 2(15). С. 6–7.

Научная литература

- Аўсейчык У. Я.* Рассяленне і дэмаграфічная характарыстыка старавераў паўночна-заходняй Беларусі ў другой палове XIX — пачатку XX ст. // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.* Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2021а. Том 13. № 1. С. 57–67.
Аўсейчык У. Я. Стараверы паўднёва-ўсходняй Беларусі: гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў // *Вестник ПГУ.* Серія А. Гуманитарныя науки. Исторические науки. 2021б. № 1. С. 136–146.
Горбацкий А. А. Старообрядчество на белорусских землях. Брест: БрГУ, 2004. 305 с.
Заварина А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века: Историко-этнографический очерк. Рига: Зинатне, 1986. 246 с.
Морозова Н. Староверы глазами представителей других христианских конфессий Речи Посполитой: иезуит Ян Алоизий Кулеша // *Slavistica Vilnensis.* 2020. Vol. 65(2). P. 54–64.
<https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65%282%29.47>

- Овсейчик В. Е. Из истории изучения старообрядчества северо-западной Беларуси: обзор литературы (вторая половина XVIII в. — 1980 гг.) // *Slavistica Vilnensis*. 2022. Vol. 67(2). P. 141–149.
- Овсейчик В. Е. Из истории изучения старообрядчества северо-западной Беларуси: обзор литературы (современный этап) // *Slavistica Vilnensis*. 2023. Vol. 68(1). P. 102–115. [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2023.68\(1\).98](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2023.68(1).98)
- Овсейчик В. Е. Старообрядцы северной Беларуси в середине XIX в.: расселение и численность // Этнография. 2024. № 1(23). С. 169–188. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1\(23\)-169-188](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-169-188)
- Подмазов А. А. Старообрядчество в Латвии. Рига: Лиесма, 1970. 111 с.
- Потащенко Г. Эмиграция старообрядцев в Великое княжество Литовское: 1700–1760 // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 20–21 нояб. 2000 г.; Ред. Осипов В. И., Соколова Е. И. Боровск, 2000. С. 76–86.
- Потащенко Г. Староверие в Литве: Вторая половина XVII — начало XIX вв. Исследования, документы, материалы. Вильнюс: Aidai, 2006. 543 с.
- Свищукене М. Из истории русского старожильского населения Литвы // *Slavistica Vilnensis*. 1997. Vol. 46(2). С. 153–164.
- Anoszko S. Staroobrzędowcy na białoruskich ziemiach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVII–XVIII stuleciu // *NURT SVD: półrocznik misjologiczno-religioznawczy*. 2020. V. 1. P. 93–111.
- Hedeman O. Historia powiatu Braślawskiego. Wilno: Polska Druk. Nakładowa «Lux», 1930. 434 p.
- Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. 295 p.
- Pastuszewski S. Staroobrzędowcy na ziemiach białoruskich // *Roczniki Białkopodlaski*. 2015. V. XXIII. P. 159–207.

References

- Anoszko, S. 2020. Staroobrzędowcy na białoruskich ziemiach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVII–XVIII stuleciu [Old Believers in the Belorussian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th–18th Centuries]. *NURT SVD: półrocznik misjologiczno-religioznawczy* 1: 93–111.
- Auseichyk, U. 2021a. Rassialenne i demagrafichnaia kharaktarystyka staraveraŭ paŭnochna-zakhodniai Belarusi ŷ drugoi palove XIX — pachatku XX st. [Settlement and Demographic Characteristics of the Old Believers of Northwestern Belarus in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. *Vesnik Grodzenskaga dziazhaŭnaga ŷniversiteta imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiia. Filasofii. Palitalogiia* 13 (1): 57–67.
- Auseichyk, U. 2021b. Staravery paŭdneva-ŷskhodniai Belarusi: gistoryiagrafiia i suchasny stan dasledavanniaŷ [Old Beliefs of Southeastern Belarus: Historiography and Current State of Research]. *Vestnik PGU. Serii A. Gumanitarnye nauki. Istoricheskie nauki* 1: 136–146.
- Gorbatskii, A. A. 2004. *Staroobriadchestvo na belorusskikh zemliakh* [Old Believers in the Belorussian lands]. Brest: Brest Derzhavni Universitet. 305 p.
- Hedeman, O. 1930. *Historja powiatu Braślawskiego* [History of the Braslav District]. Wilno: Polska Druk. Nakładowa «Lux». 434 p.
- Iwaniec, E. 1977. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* [From the History of Old Believers in Poland in the 17th and 20th Centuries]. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 295 p.
- Morozova, N. 2020. Starovery glazami predstavitelei drugikh khristianskikh konfessii Rechi Pospolitoi: iezuit Ian Aloizii Kulesha [Old Believers through the Eyes of Other Christian Denominations within the Polish-Lithuanian Commonwealth: Jesuit Jan Aloysius Kulesha]. *Slavistica Vilnensis* 65(2): 54–64. <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2020.65%282%29.47>
- Ovseichik, V. E. 2022. Iz istorii izucheniia staroobriadchestva severo-zapadnoi Belarusi: obzor literatury (vtoraia polovina XVIII v.–1980 gg.) [From the History of the Study of Old Believers in Northwestern Belarus: A Review of the Literature (Second Half of the 18th Century–1980)]. *Slavistica Vilnensis* 67(2): 141–149.

- Ovseichik, V. E. 2023. Iz istorii izucheniia starobriadchestva severo-zapadnoi Belarusi: obzor literatury (sovremennyi etap) [From the History of the Study of Old Believers in Northwestern Belarus: Review of the Literature (Current Stage)]. *Slavistica Vilnensis* 68(1): 102–115. [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2023.68\(1\).98](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2023.68(1).98)
- Ovseichik, V. E. 2024. Starobriadtsy severnoi Belarusi v seredine XIX v.: rasselenie i chislennost' [Old Believers of Northern Belarus in the Middle of the 19th Century: Settlement and Numbers]. *Etnografiia* 1(23): 169–188. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1\(23\)-169-188](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-169-188)
- Pastuszewski, S. 2015. Starobrzędowcy na ziemiach białoruskich [Old Believers on Belarussian Lands]. *Roczniki Białskopodlaski* XXIII: 159–207.
- Podmazov, A. A. 1970. *Starobriadchestvo v Latvii* [Old Believers in Latvia]. Riga: Liesma: 111 p.
- Potashenko, G. 2000. Emigraciya starobryadcev v Velikoe knyazhestvo Litovskoe: 1700-1760 [Emigration of Old Believers to the Grand Duchy of Lithuania: 1700–1760]. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': Materialy V nauch.-prakt. konf., g. Moskva, 20-21 noyab. 2000 g.* Ed by V. I. Osipov, E. I. Sokolova. Borovsk. 76–86.
- Potashenko, G., 2006. *Staroverie v Litve: vtoraiia polovina XVII — nachalo XIX vv. Issledovaniia, dokumenty i materialy* [Old Belief in Lithuania: Second Half of the 17th — early 19th Centuries. Research, Documents, Materials]. Vilnius: Aidai. 543 p.
- Sivitskene, M. 1997. Iz istorii russkogo starozhilcheskogo naseleniia Litvy [From the History of the Russian Old-Timer Population of Lithuania]. *Slavistica Vilnensis* 46(2): 153–164.
- Zavarina, A. A. 1986. *Russkoe naselenie vostochnoi Latvii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Russian Population of Eastern Latvia in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries: Historical and Ethnographic Essay]. Riga: Zinatne. 246 p.